

К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в.

М. А. Фельдман

Уральская академия государственной службы

В значительной степени условия жизни уральских рабочих зависели от наличия у семьи собственного земельного надела. Что же представляли собой личные хозяйства уральских рабочих?¹ В литературе сформировались две точки зрения по этой проблеме: Ф. П. Быстрых и Д. В. Гаврилов утверждали, что горнозаводские рабочие в своей массе не занимались обработкой земли². Противоположную точку зрения доказывали специалисты 1920-х гг. – В. В. Адамов, Н. Н. Алеврас, И. В. Нарский и др.

В советской литературе освещение вопроса о землепользовании уральских рабочих традиционно начиналось с трудов В. И. Ленина. По мнению Ленина, по условиям освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости «горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы»³. Однако соответствующие правительственные документы утверждали иное: мастера получили усадебные участки и по одной десятине покосов, а также участки пахотной земли, если они их имели до реформы⁴. *Здесь первый узел противоречий, положивших начало долгой дискуссии историков: несовпадение ленинских суждений и научных исследований.*

Хлебопашеством, указывал Д. В. Гаврилов, даже там, где позволяли природные условия, занималась лишь небольшая часть населения⁵. Заметим, что даже для зоны горнозаводского населения это весьма уязвимое явление. В работе о землепользовании на горнозаводском Урале известный уральский исследователь П. Степанов писал: «Урожаем хлебов мог бы весьма позавидовать земледелец и средней полосы России. Такие места входят и в состав горнозаводских волостей, и тяготение в них мастеровых к земле факт, несомненно, устойчивый, не временный и не проходящий»⁶.

Но, может быть, перед нами субъективный взгляд на положение вещей? По подсчетам статистиков, характеризовавших экономическое положение пяти важнейших промышленных округов Урала в 1925 г., на их долю приходилось не только 83,3 % всей продукции ценовой промышленности Урала, но и 15,3 % посевной площади, 19,1 % валового сбора хлебов, 21,3 % сельхозналога⁷.

Развивая мысль о стремительной пролетаризации населения, Д. В. Гаврилов приводит ленинскую цитату о том, что (на примере заводского района Красноуфимского уезда) большинство горнозаводского населения не занимались земледелием⁸. *Здесь второй узел противоречий: подмена одного понятия (хлебопашества) другим (земледелием)*. Логика ленинской концепции заставляла ряд уральских историков вопреки очевидным фактам заявлять, что земельные наделы у горнозаводского населения были очень малы⁹.

Неправомерность распространения данных о землепользовании всего горнозаводского населения на рабочих, впервые отмеченная Ф. Б. Быстрых¹⁰, с историко-правовой точки зрения не вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что дореволюционная статистика 1900–1914 гг. чаще всего оперирует данными о величине земельных наделов горнозаводского населения, что затрудняет возможность выделить в отдельную категорию землепользование рабочих. Можно говорить об определенной близости двух названных понятий – горнозаводского населения и рабочих, во-первых, в заводских поселках передовых в техническом отношении предприятий¹¹. Во-вторых, в силу сохранения, хотя и в меньших масштабах, гулевых дней и очередности заводских работ в последние предвоенные годы¹², скрывавших подлинные размеры занятости. В-третьих, постольку, поскольку часть пролетариев, не нашедшая рабочих мест на заводской и рудничной работах, устраивалась на вспомогательном производстве.

В этом плане особый интерес представляют данные, введенные в научный оборот В. П. Сиговым в 1926 г.¹³ В. П. Сигов выделил в составе горнозаводского населения на 1897 г. категорию бывших мастеровых (заводских рабочих) – 84,8 % и группу сельских работников – 15,2 %. Земельный надел мастеровых в 1897 г. составлял 1,9 дес., в том числе 0,3 дес. пашни (17 % надела), 0,3 дес. леса (14 %), 1 дес. покосов (54 %), 0,2 дес. выгонов (10 %). У сельских

работников земельный надел в 1897 г. составлял 2,4 дес., в том числе 1,3 дес. пашни (53 %), 0,8 дес. покосов (30 %), 0,14 дес. леса (6 %) и 0,13 дес. выгонов (6 %) ¹⁴. Как видно, *земельные наделы мастеровых и сельских работников мало чем отличались по размерам. Принципиальные различия касались структуры земельного надела.*

В. П. Сигову принадлежит и ввод в научную литературу показателя удельного веса бывших мастеровых, не имеющих земельного надела на рубеже XIX–XX вв., – 28,7%, совпадающего с удельным весом пришедших рабочих. По подсчетам В. П. Сигова, 35,8 % бывших мастеровых имели, а 64,2 % не имели пашни ¹⁵. Но отсутствие пашни отнюдь не означало отсутствия сельскохозяйственных работ: огородничеством, посевами кормовых культур занимались практически все владельцы земельных наделов, т. е. подавляющее большинство рабочих.

Приведенные данные использовал и дифференцировал Ф. П. Быстрых. В Пермской губернии в 70 поселках действующих заводов на мужскую душу мастерового населения приходилось в среднем по 1,2 дес., в том числе пашни по 0,1 дес. на душу. В 22 заводских поселках, где заводы прекратили действия, – по 4,7 дес., в том числе пашни по 1,4 дес. Следовательно, на Урале землепользование мастеровых в заводских поселках, где заводы прекратили действия, было на душу больше в четыре раза, чем у мастеровых при действующих заводах, а пашни больше в 14 раз. Кроме заводских поселков мастеровые проживали также в 190 деревнях и выселках, где на каждую душу приходилось по 3 дес. земельных угодий, из них пашни по 0,6 дес. Мастеровые, проживающие в деревнях, и сельские работники не имели достаточного количества земли и были вынуждены заниматься промыслами, извозом, рубкой дров, углежжением ¹⁶. Подведем итог: *величина земельного надела рабочего в большей степени зависела не от места проживания (в поселке или в деревне), а от работы или бездействия завода.*

Главная проблема заключалась в ином. Ф. П. Быстрых не заметил (выскажем мнение – по причинам идеологическим) глубокого замечания В. П. Сигова. Все приведенные данные, писал В. П. Сигов, говорят о размерах наделной земли и пашни. Фактическое землепользование довольно значительно (в 3–4 раза по двум промышленно развитым округам – Невьянскому и Нижне-Тагильскому;

примерно вдвое по всем горнозаводским округам) превосходило площадь наделного землевладения¹⁷. Указание на различие фактического и наделного землепользования, имея методологическое значение, будет использовано при подсчете размеров земельных наделов рабочих.

В этом и заключалась суть разногласий: одна группа историков опиралась на показатели фактического землепользования, другая (Быстрых, Гаврилов) – на формальные критерии. Непонимание подлинных размеров землепользования горнозаводского населения не могло не вызвать удивления и даже отрицания масштабов роста земельных наделов у рабочих Урала в 1906–1917 гг. у историков, сохранявших в прошлом и в настоящем верность марксистским догмам¹⁸.

Однако начиная с 60-х гг. XX в. сложнее становилось сопротивляться данным статистики. Так, Ф. П. Быстрых вынужден был признать рост среднего земельного надела на наличную мужскую душу в заводских поселках Урала в 1912 г. до 3,8 дес. Простой подсчет по данным Ф. П. Быстрых показывает, что в 1899 г. аналогичный показатель составлял 1,7 дес., т. е. в 2,2 раза¹⁹. Оставалось либо признать значительный рост земельных наделов рабочих в первые десятилетия XX в., либо согласиться с тем, что речь идет об узаконивании тех участков, которыми и ранее владело горнозаводское население. В косвенной форме, оговариваясь и противореча самому себе, к последнему варианту присоединился Ф. П. Быстрых²⁰.

Ф. С. Горовой ввел в научный оборот данные, из которых следовало, что земельные наделы горнозаводского населения за 1861–1917 гг. увеличились в казенных округах Урала в 2,5 раза, в посессионных округах – в 2 раза, в частновладельческих – в 5 раз и составили, соответственно, 4,5; 4; 2,3 дес. земли²¹. Дальнейшие исследования позволили скорректировать и уточнить эти цифры. Так, Л. А. Трефилова уточнила, что динамика роста земельных наделов в 1861–1917 гг. окажется иной, если сравнению подлежат не участки, полученные по уставным грамотам, а площади, которыми фактически пользовались рабочие Урала. В этом случае рост душевых наделов составил меньшую величину: например, по посессионным округам – в 1,2 раза. Если в 1861 г. надел на ревизскую душу составил 2,04 дес., а на наличную 3,8 дес., то в 1917 г. на по-

сессионных заводах Пермской губернии на ревизскую душу приходилось 7,9 дес., а на наличную – 4,7 дес.²² Однако в любом случае речь идет об увеличении земельных наделов тех, кого записывали в чистые пролетарии. Кроме того, перед нами признание масштаба различия между формальным надельным и фактическим землепользованием. При этом Н. Н. Алеврас выделяет период после 1907 г., как этап более интенсивных, чем прежде землеустроительных работ²³.

Но, может быть, указанный процесс не касался крупных предприятий? По мысли Д. В. Гаврилова, «на крупных, технически лучше оснащенных заводах, а также вновь построенных в конце XIX в. заводах большинство или значительная часть рабочих уже потеряла связь с землей. Еще больше связь с землей ослабла в начале XX в.»²⁴. Рассмотрим как показательный пример Ижевского, крупного, технически лучше оснащенного, завода. Данные удмуртского ученого М. А. Садакова, опубликованные в 1968 г., хорошо известны уральским историкам (см. таблицу).

*Эволюция землепользования у рабочих Ижевского завода**

1872 г.			1917 г.		
Вся площадь земельных наделов ижевских рабочих	8888 дес.	100 %	40 500 дес.	100 %	Рост в 5,1 раза
В том числе:					
пашня	848 дес.	9,5 %	6568 дес.	16 %	Рост в 7,7 раза
покосы	Нет данных		8434 дес.	20,7 %	
лес	Нет данных		17 969 дес.	44,1 %	

* Источник: Садаков М. А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // Учен. зап. Удмурт. НИИ истории экономики, литературы и языка. Вып. 20, История. Ижевск, 1968. С. 29.

Речь идет о землевладении коренных, потомственных рабочих, подчеркивал М. А. Садаков²⁵. Аналогичные процессы шли на Воткинском заводе, в Мотовилихе, казенных заводах в целом. Так,

в Златоустовском казенном горнозаводском округе в 1913 г. площадь посевов составляла у рабочих заводских поселков примерно 2 дес.²⁶ Наш анализ первоисточника (архивного дела, содержащего официальный документ) – «Сведения о поземельном устройстве горнозаводского населения казенных заводов на 1 января 1909 г.» – позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в заводских поселках казенных заводов на одну мужскую душу к 1909 г. приходилось 8,7 дес. земли, в том числе на Мотовилихинском пушечном заводе – 8, Кушвинском – 10, Златоустовском – 6, Нижне-Туринском – 5,5 дес.²⁷ Во-вторых, «неудобица» (непригодные для земледелия площади, о доминировании которых писал Ф. П. Быстрых²⁸) составляла не более 7 % общего землевладения рабочих казенных заводов и 3 % у горнозаводского населения посессионных заводов²⁹. Лесной надел составлял 29,2 % общего землепользования горнозаводского населения казенных заводов, а преобладали земли, отнесенные к угодьям (64 %)³⁰. Все это свидетельствует о том, что на крупных предприятиях рабочие обладали значительными по меркам Урала земельными наделами. Материал, изложенный выше, показывает как раз противоположную тенденцию, чем та, о которой говорили Ф. П. Быстрых и Д. В. Гаврилов.

По оценке специалистов, надел, способный более или менее обеспечить существование хозяйства, должен был составлять как минимум 4 дес.³¹ Для сравнения отметим, что средний земельный надел всего земледельческого населения Пермской губернии в 1897 г. составлял 6,5 дес. на мужскую душу³².

Рост среднего земельного надела на наличную мужскую душу в заводских поселках Урала в 1912 г. до 3,8 дес. означал определенное сближение количественных размеров наделов горнозаводского населения и крестьян Урала. В этом, на мой взгляд, проявляется историческая закономерность: незавершенность промышленного переворота оставляла в силе преобладание аграрного характера экономики России, а с ней – зависимость выживания людей от владения или не владения личным хозяйством; близость корневых установок крестьян и рабочих³³.

Вместе с тем налицо и качественное отличие крестьянских и рабочих наделов. Если у крестьян преобладала пашня, то у рабочих – огороды, покосы и выгоны. Анализ статистических материалов сви-

детельствует: при общем росте земельных наделов характерна следующая тенденция для всех округов – сокращение удельного веса пашни³⁴. В предвоенные годы удельный вес пашни составлял 13 % в поселках частновладельческих округов и 10 % у рабочих посессионных округов³⁵.

О масштабах распространения пашни у рабочих Урала можно судить по следующим данным. В 1897 г. пахотные угодья имели 36 % бывших горнозаводских мастеровых, в 1912 г. (данные по горнозаводскому населению посессионных заводов) этот показатель равен 43 %, ³⁶ а в 1916 г. – 45 %³⁷. Казалось бы, тенденция к росту пашни налицо. Однако надо учитывать небольшие размеры пашни: 0,3 дес. пашни у бывших горнозаводских мастеровых в 1897 г. и 0,5 дес. в 1913 г.³⁸ Кроме того, рост пашни был характерен, прежде всего, для рабочих закрытых предприятий. По подсчетам И. Л. Шеврина, в 1920 г. на территории, вошедшей в состав Уральской области, средний размер посева в крестьянском хозяйстве был 3,9 га, а в 1929 г. – 4,3 га. При этом в бедняцком хозяйстве в среднем за 1922–1929 гг. размер посева составлял 1,36 га, у середняков 5,15 га, у кулаков – 13 га³⁹.

Подведем итог: указав на несовпадение источниковой базы, хронологических рамок, методики подсчета приведенных выше обследований, отметим, что к 1917 г. земельный надел на мужскую душу у рабочих был примерно вдвое меньшим, чем у всего земледельческого населения Пермской губернии (соответственно 3,8 и 6,5 дес.), а средняя посевная площадь – 0,5 дес. – почти втрое уступала крестьянскому бедняцкому и в десять раз – середняцкому хозяйству.

Селективный патернализм государственной политики привел к тому, что часть горнозаводского населения, переменившая место поселения, оказалась лишенной земельных наделов. К категории пришлых в начале XX в. относились, по мнению А. В. Погожева, 28 % рабочих⁴⁰. Что же касается рабочих, имеющих земельные наделы, то, как показывают исследования Н. Н. Алеврас, в 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных и посессионных округах, где земельные наделы получили 95–96 % жителей, а владенные грамоты – соответственно 85 и 30–40 %. В частновладельческих округах к 1917 г. было отграничено 60 %

земель надельного фонда, а выдача владенных грамот только началась⁴¹. Заметим, что суть указанного процесса напрочь замалчивалась или отвергалась в советской историографии⁴². Приведенные показатели можно рассматривать как близкие к удельному весу рабочих, владельцев земельных участков в названных округах. С этими данными может быть сопоставлен и показатель удельного веса уральских рабочих, владеющих земельными участками, полученный в ходе обследований на Урале в 1926–1927 гг. Здесь можно выделить следующий диапазон: 75–78⁴³ – 88,9 %⁴⁴.

На наш взгляд, специальное исследование Н. Н. Алеврас⁴⁵ переводит давний спор историков о масштабах землепользования рабочих Урала в чисто историографическую плоскость. Аграрную политику правительства на горнозаводском Урале, и в частности, землеустроительную кампанию 1905–1917 гг., Н. Н. Алеврас рассматривает как отдельный элемент общероссийского регионально-аграрного реформирования⁴⁶. Доказательства в пользу того, что большинство уральских рабочих владели земельными участками, размеры которых за 1861–1917 гг. не сократились, а выросли, убедительны и не требуют новых подтверждений. Очевидна и ненаучность заявлений о «слабой связи рабочих Урала с землей»; о том, что «к 1917 г. большинство или значительная часть рабочих уже потеряла связь с землей». Социокультурный тип рабочего с наделом в каждом конкретном случае означал конкретную комбинацию крестьянских и рабочих признаков. Но в целом процесс роста земельных наделов рабочих Урала в сочетании с выдачей владенных грамот, т. е. превращении части пролетариев в собственников, означал одно из звеньев буржуазных преобразований в России в силу того, что уменьшал зависимость горнозаводского населения от феодалов-латифундистов.

В результате аграрных преобразований на горнозаводском Урале в среде рабочих цензовой промышленности к 1917 г. сформировались три достаточно различные группы: 1) юридические собственники земли – 20–25 % рабочих (более 42 тыс. рабочих казенных округов и 15–20 тыс. посессионных округов)⁴⁷; 2) категория рабочих, владеющих земельными наделами, но так и не ставших полноправными собственниками: основная масса тружеников частновладельческих и порядка 31–36 тыс. рабочих посессионных округов,

а всего 46–51 % рабочих цензовой промышленности Урала; 3) лица, не владеющие земельными наделами либо имевшие участки менее 0,5 дес. земли. К этой категории относились 28–29 % всех рабочих, в основном занятые в частновладельческих округах, из числа приплывших. Трудно отрицать наличие различных внутрисословных групп в среде промышленных рабочих Урала в зависимости от размера пользования надельной землей.

Рабочие – собственники земельных (и не малых) наделов, с одной стороны, и пролетарии – с другой. Носители крестьянских традиций уважительного отношения к земле, природе, труду включали и ту группу индустриальных рабочих, которую, как это было показано выше, отличали современное отношение к заводскому производству, дисциплинированность, являющуюся проводником современной трудовой этики в среде рабочих. Отношение к труду формировалось и как следствие страха перед голодом на ментальном уровне, формирующем поведенческие стереотипы⁴⁸.

Отсутствие земельных наделов обрекало пролетариев не только на полуголодную и голодную жизнь, но и разрывало связи с крестьянскими вековыми традициями, лишало возможности перемены форм труда и отдыха. Разрушение устойчивых в прошлом представлений, имевших своим источником крестьянскую психологию и мораль, не компенсировалось формированием качеств индустриальных рабочих.

Низкое плодородие местных земель обуславливало невысокую эффективность пахотных угодий. В силу этих причин хозяйства рабочих Урала имели потребительский огородно-животноводческий характер. Средний доход от собственного хозяйства составлял у горнорабочих посессионных округов примерно 60 руб. при общем бюджете 290 руб. или 20,7 %⁴⁹; 42–75 руб. в год или 15–27 % среднегодового заработка рабочих Ижевского и Воткинского заводов (280 руб.)⁵⁰. Обратим внимание на близость доли доходов от собственного хозяйства у рабочих передовых заводов и горнорабочих. Как представляется, в этом проявилась общность судьбы уральских рабочих, а именно наличие у местных потомственных рабочих земельных наделов.

Таким образом, подсобное хозяйство, не являясь основным источником существования, служило заметной добавкой к главному

источнику существования – заводскому заработку. Такой вывод характерен для большинства уральских рабочих из числа «местных».

Другое дело, что положение о том, что «наличие подсобного хозяйства до известной степени ставило рабочих в мелкобуржуазные условия существования»⁵¹, следует отнести к разряду суждений, порожденных идеологическими канонами своего времени. С экономической стороны личное хозяйство до некоторой степени сужало разрыв в оплате труда пролетариев Урала и Центра, способствовало закреплению рабочих в крае с суровым климатом. Для большинства рабочих Урала владение землей означало сохранение базового показателя отживающего патриархального уклада, отражая переходный характер эпохи. Его специфика не исчерпывалась связью основной массы рабочих с землей и недвижимостью, но именно она являлась несущей конструкцией, вокруг которой выстраивались другие элементы своеобразной бытовой и производственной жизни рабочих⁵². Архаичностью отличались формы организации повседневной жизни, близкие к деревенским, определяемые как общинной и волостной организацией уральских заводских поселков, так и всковым аграрным календарем. Сочетание заводского труда и постоянных работ в своем личном хозяйстве оставляло немного времени для праздного времяпрепровождения. Даже без учета времени, занятого хлебопашеством, мужчина-рабочий в среднем затрачивал в месяц 51,2 часа на работу в своем личном хозяйстве и 204,9 часа на производстве⁵³. Как видно, пятая часть времени уходила на работу в своем личном хозяйстве.

Если мы говорим о массиве пришлых постоянных рабочих, как правило, безземельных, не владеющих своим жильем, – уместно будет говорить о «чистых пролетариях». Но если речь идет о большинстве местных уральских рабочих в первые десятилетия XX в., справедливыми будут такие определения уральского рабочего, как «наполовину рабочего, наполовину земледельца»⁵⁴. Уместна и такая характеристика: рабочий-домохозяева переходной эпохи с такими базовыми чертами психологии, как внутреннее достоинство, гордость. Эти черты определяются ролью труда в жизни рабочих и подчиненностью всего жизненного уклада его режиму⁵⁵.

Можно выделить специфичные черты российских рабочих индустриальной эпохи, характерные для Урала. Квалифицированных

уральских рабочих, как правило местных, т. е. живущих длительный срок в одном поселении, определяли владение значительными земельными участками, собственным жильем и – в казенных горнозаводских округах – гарантии социальной защиты. Тот природно-климатический фактор в истории России, о котором столь много писали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, наглядно проявился в роли земельных участков, личного хозяйства рабочих России в целом. Личное хозяйство рабочих Урала позволяло не только выжить в сложных климатических условиях, эпоху политических и социальных потрясений, но и являлось объектом культуры, так как передавало традиции отношения к земле и природе, давало средства на продолжение учебы и повышение квалификации⁵⁶. В этой связи справедливы слова А. К. Соколова о крайней важности для историков России услышать призыв голландского историка Марселя ван дер Линдена к соединению рабочей истории с историей домашнего хозяйства⁵⁷. Сам М. ван дер Линден рассматривает личное (домашнее) хозяйство как «изначально сложный, многофункциональный институт, пропитанный разноречивым множеством различных культурных принципов и значений», способный обеспечить значительную часть потребностей рабочих, той мировой эпохи капитализма, с которой связаны «дни слишком часто наступавших тяжелых времен, в том числе периоды забастовок, безработицы, депрессии или инфляции»⁵⁸.

Подведем итог. *В том классе, который рассматривался как обездоленный пролетариат, к 1914 г. возник относительно обширный слой рабочих-собственников, защищенный системой социальной защиты.*

В 1914–1917 гг. на Урале прослеживалась тенденция медленно, но неуклонного ослабления связи с землей. Этот процесс был прерван и направлен вспять Гражданской войной. Статистические материалы свидетельствуют об иной тенденции: аграризации рабочего класса. Уже материалы профессиональной переписи 1918 г. (по состоянию на 31 августа) зафиксировали возрастание связи с землей рабочих Вятской губернии (единственной уральской губернии, участвовавшей в переписи) по сравнению с дореволюционными временами на 2,5 %⁵⁹.

Если в 1916 г. на Урале из всех хозяйств горнозаводского населения 55 % не имели посевов, то в 1920 – только 27 %⁶⁰. Аграризация была следствием не только военной разрухи, но и попытки спастись от небывалого в России голода. Размеры пашни продолжались оставаться сравнительно небольшими – 6 % от величины земельных участков (или, по нашим подсчетам, в 1,7–2,2 раза меньше, чем в 1913 г., поскольку в предвоенные годы размеры пашни составляли 13 % от величины земельных участков в частновладельческих и 10 % в посессионных округах), но рабочие Урала от своего личного хозяйства получали 30–50 % потребляемых продуктов⁶¹.

Аграризация была одной из составляющих процесса деклассирования рабочих и связана не только с Уралом⁶². Личное хозяйство рабочих Урала сохраняло огородно-животноводческий характер: размер запашки в 1922–1923 гг. в среднем на хозяйство не превышал 0,2 дес. (т. е. в 2,5 раза меньше, чем в 1913 г.). В среднем на одну семью рабочих Урала, из числа имеющих хозяйство, в 1922–1923 гг. приходилось 0,25 лошадей, 0,66 дойных коров и 0,26 телят, 0,27 коз, 0,24 свиней, 2,75 кур. Для всех же семей рабочих региона эти показатели соответственно составляли 0,18; 0,47; 0,11; 0,19; 0,17; 1,95. Скотоводство, и в первую очередь молочное хозяйство, занимало ведущее место в валовом доходе подсобного хозяйства рабочих Урала (63,6 %), тогда как удельный вес продуктов огорода составлял 9 %, а полеводства – 1 %. Отсюда земельный участок, за исключением усадебной площади и минимальной запашки, использовался целиком для прокорма скота⁶³.

Годы Мировой и Гражданской войн обернулись для личного хозяйства уральских рабочих сокращением обеспеченности скотом и птицей: менее всего по коровам (в 1,3 раза), более всего по курам (в 5 раз) и лошадям (в 2,4 раза)⁶⁴. Обследования 1922–1923 гг. выявили и заметное сокращение среднего размера землепользования на одну семью рабочего промышленного Урала – до 1,16 дес.⁶⁵ Хорошо известный историкам Урала источник – «Октябрь на Южном Урале» – указывает на существование нормы посевов на личную душу в середине 20-х гг. – 0,68 дес.⁶⁶ Таким образом, этап 1914–1922 гг. стал периодом обмельчания и обеднения хозяйств уральских рабочих. В данном случае можно говорить об иску-

ственном сглаживании внутрисословных отличий рабочих Урала в ходе насильственной пролетаризации рабочих.

Заметим, что это явление следует отнести к наименее изученным проблемам, требующим своего исследователя, как в масштабах Урала, так и в порайонном разрезе. Наибольший интерес представляли бы исследования в заводских поселках бывших казенных округов. Анализ такого источника, как «Материалы к земельному переустройству Пермской губернии на началах основного закона о социализации земли» (Пермь, июнь 1918 г.) показывает, что одной из первых мер Советского государства стало ограничение землепользования горнозаводского населения Урала. Нормы земельного обеспечения на одну «рабочую силу» (рабочего) в Пермской губернии определялись в среднем в следующем диапазоне: пахотных земель – от 0,7 до 1,2 дес. на душу; общая площадь земельного надела – от 2,3 до 5,5 дес. Наименьшие нормы земельного обеспечения вводились в поселках относительно новых заводов (например, Лысьвенского). Для Мотовилихинского заводского поселка эти показатели, соответственно, составляли 0,89 дес. пахотных земель, 1,35 – луговых, 3,25 дес. общей площади земель на одну «рабочую силу»⁶⁷. Нетрудно подсчитать, что общая площадь земельного надела рабочих в сравнении с дореволюционным периодом сокращалась в среднем в два и более раза.

В годы НЭПа произошло частичное восстановление роли личных хозяйств уральских рабочих. Нельзя сказать, что это была черта, чисто специфическая для Уральского региона. По данным статистики, к 1926 г. в РСФСР насчитывалось 18,9 % семей промышленных рабочих, имевших землю сельскохозяйственного пользования. Однако, как правило, это были хозяйства городского типа скромного размера, подчиненного интересам молочного хозяйства. Домашний скот имело 18,5 % хозяйств, домашнюю птицу – 22,8 %. Земельный надел (в среднем 0,5 дес. на хозяйство) большей частью использовался под покос⁶⁸.

Иную картину представляли хозяйства уральских рабочих. Согласно бюджетному обследованию, проведенному в 1926/27 г., в регионе примерно три четверти рабочих владели земельными участками, 83 % держали корову, у 55,4 % имелась в распоряжении лошадь. Если размер посевов у рабочих РСФСР и Урала был не-

большим (соответственно 0,25 и 0,32 дес.), то общая площадь покосов существенно отличалась, составляя на Урале у владельцев личных хозяйств от 3 до 3,7 дес., тогда как у рабочих остальных регионов РСФСР эта величина не превышала 0,25 дес.⁶⁹ Следует отметить, что еще одно обследование – выборочный опрос весной 1926 г. в наиболее развитых промышленных округах – Свердловском, Златоустовском, Тагильском, Верхне-Камском – дал весьма схожие результаты: 88,9 % рабочих владели земельными участками, 82,4 % держали корову, у 45,1 % имелась в распоряжении лошадь⁷⁰. Ценность последнего обследования заключается и в том, что оно дает сведения не только о душевом землепользовании, но сообщает сведения об имуществе среднестатистического хозяйства уральского рабочего. В среднем на сто хозяйств рабочих в заводских поселках наиболее развитых промышленных округов приходилось: 59 дес. пахотной земли (из которой только половина – 27 дес. – засеивалась), 60 лошадей, 97 коров, 175 голов мелкого скота, 440 птиц⁷¹.

В чем отличие землепользования рабочих 1926–1927 гг. от до-революционного? Прежде всего, в минимизации земельных участков: если в предвоенные годы земельный надел на мужскую душу составлял 3,8 дес., то в 1926 г. такая площадь приходилась уже на одно хозяйство. Сокращение произошло примерно в четыре раза⁷². Во-вторых, в минимизации посевных площадей. К 1917 г. на пашню приходилось 10–15 % земельных наделов или 0,4–0,6 дес. на мужскую душу. В 1926 г. – 0,13 дес. Это означало, что на одно хозяйство рабочего приходилось, соответственно, 1,8–2,7 и 0,6 дес. посевов. При этом массив рабочих – владельцев пашенных участков сократился с 35,8 до 30 %⁷³. Сокращение пашни, как видно, шло прямо пропорционально сокращению земельных наделов. Удивительное, на первый взгляд, заключается в том, что вырос удельный вес рабочих, владеющих земельными участками. Если в 1897 г. не имели земельных наделов 28,7 % жителей горнозаводских поселений, то в 1926 г. только 11,1 %. Но парадокс носит чисто внешний характер: в этом проявилось торжество уравнилельных принципов послеоктябрьского десятилетия.

Анализируя итоги обследования рабочих крупной промышленности Урала в 1926–1927 гг., можно выделить три основные социальные группы: 1) рабочие, не имеющие земельных участков (от 11

до 14 %); 2) владельцы огородов и мельчайших участков с посевом до 0,1 дес. (57–59 %); 3) владельцы земельных участков с посевом более 0,1 дес. (около 30 %) ⁷⁴.

Посевы, обеспечивающие удовлетворение годовой потребности в хлебах (3 дес. и более), имели только 1 % рабочих, проживающих в сельской местности, и 0,7 % – в городе. О потребительском характере своего хозяйства говорил тот факт, что отчуждение на сторону составило всего 5 % всей валовой продукции. Основное значение для рабочих, владеющих личным хозяйством, имели, во-первых, огород, обеспечивающий 2/3 годовой потребности в овощах рабочей семьи. Даже в «столичном» городе Урала – Екатеринбурге – 85 % рабочих Верх-Исетского завода имели огороды ⁷⁵.

Во-вторых, молочное хозяйство, дававшее 80–90 % потребляемых молочных продуктов. В-третьих, лесной надел, где заготавливались 3/4 годовой потребности в топливе ⁷⁶. Потребительский характер своего хозяйства не мог заслонить сущностную сторону проблемы: сохраняющийся аграрный характер цивилизации проецировал весомую роль сельскохозяйственного сектора в быту уральских рабочих.

Характерно, что экономисты, авторы одного из последних опубликованных исследований бюджетов рабочих, не только отметили важность личного хозяйства уральских рабочих, но и обратили внимание на то обстоятельство, что повышение размеров заработка не ведет к отрыву от сельскохозяйственных занятий. Напротив, по мере повышения зарплаток возрастал удельный вес рабочих, имеющих земельные наделы ⁷⁷.

Договорим недосказанное: в большей степени с личными хозяйствами были связаны именно кадровые рабочие региона. Руководящие органы Урала глубже, чем в центре, понимали значимость сохранения личных хозяйств рабочих. В записке Уралплана от 23 июля 1927 г., подготовленной для партийных и советских органов, говорилось: «Сельскохозяйственная деятельность населения, обслуживающего заводы – неслучайное явление... без него нельзя жить. Поэтому оно требует к себе внимания как явление глубоко жизненное и созданное историей и всей обстановкой горнозаводского труда» ⁷⁸.

Осознание исторической роли связи рабочих Урала с землей, заметим, противоречащее постулатам марксизма, привело в 1927 г. хозяйственные органы Уральской области к разработке программы землеустройства горнозаводского населения, утвержденной ВЦИК и СНК. Постановка задачи – разграничение и юридическое оформление мелких разбросанных земельных участков рабочих; масштаб этих участков (речь шла о распределении земельного массива в 450 тыс. га только в четырех основных промышленных округах), долговременность (срок реализации программы составлял 10 лет)⁷⁹ – позволяет сделать вывод: предстояло логическое завершение землеустроительных работ, проходивших с конца XIX в. Итак, руководство Урала было готово к реформе, восстанавливающей преемственность аграрной политики в горнозаводском крае и проходящей в рамках НЭПа.

Однако уже в ходе подготовки такого проекта выявились существенные противоречия. Одно из них заключалось в том, что логика НЭПа требовала соблюдения определенных экономических правил, например, равных условий налогообложения для владельцев земли в городе и деревне. Однако сельскохозяйственный налог на рабочих в силу политических мотивов был невелик и составлял менее 4 руб. Исходя из этого, плановые органы Урала подготовили и приняли новые нормы налога. Фактически вводился повышенный налог на содержание лошади (12,5 руб.) и жилища. Но и новый налог был увязан с величиной зарплат промышленных рабочих. Под давлением рабочих было принято следующее решение: от уплаты налога освобождались рабочие, имеющие годовой доход от хозяйства менее 90 руб.⁸⁰ Усиление социального аспекта государственной политики – явление безусловно прогрессивное – на сей раз вступало в противоречие с финансовыми возможностями государства, за чей счет должна была проходить программа землеустройства.

И все же главной проблемой стало не это. Начало сплошной коллективизации стало концом новой, фактически не начавшейся землеустроительной реформы. Тревогу власти в 1929 г. вызывала теперь не низкая зарплата рабочих, а то, что процесс пролетаризации (т. е. «очищения от земельных участков») идет медленно. Мы поддерживаем вывод Е. Н. Чернокрыловой: при коллективизации,

прежде всего в 1931–1932 гг., традиционному землепользованию уральских рабочих был нанесен значительный урон, и это не было связано с исчезновением потребности в ведении своего хозяйства⁸¹. Что касается содержавшегося там же заключения о том, что связи уральских рабочих с землей были оборваны насильственным образом – оно, будучи само по себе справедливым, как нам представляется, не опирается на статистические источники.

Сколь велики были изменения в масштабах землепользования уральских рабочих за годы первой пятилетки? В исторической литературе для характеристики перемен используют обычно материалы выборочных профсоюзных переписей 1929 г. и 1932–1933 гг. Между тем сравнение указанных данных с результатами обследования 1926/27 г. может носить только условный характер. Дело в том, что, во-первых, в профсоюзных переписях учитывались только члены профсоюзов, составлявшие примерно 4/5 рабочих. Во-вторых, в материалах профсоюзных переписей 1929 г. фигурирует в основном один показатель – «земля сельскохозяйственного пользования»⁸². Изучение документов приводит к вопросу: почему еще до сплошной коллективизации так стремительно сократился удельный вес рабочих, имеющих землю? Столь масштабное сокращение указанного показателя за 1927–1929 гг. с 74 до 31,4 % не имеет доказательной основы, не отражено в массиве архивных дел. Следовательно, речь идет о сравнении несопоставимых величин. Каких же?

Анализ состава заводов, обследованных в ходе переписи 1929 г., на наш взгляд, дает ответ на поставленный вопрос. Более половины металлургов – участников обследования представляли рабочие Надеждинского, построенного в конце XIX в., и Лысьвенского заводов – предприятий, где земельные наделы не получили развития. На остальных заводах показатель владения землей составлял более 55 %. В машиностроении обращает внимание отсутствие в выборке крупнейшего предприятия – Мотовилихинского оружейного завода, где в 1928 г. имели земельные наделы до 50 % рабочих⁸³. Признаемся, наибольшее недоверие вызывают низкие показатели землепользования в 1929 г. по Златоустовскому и Воткинскому заводам, где еще в 1927 г. большинство рабочих были связаны с сельхозугодьями. Таким образом, результаты профсоюзной переписи

1929 г. не могут быть использованы для сравнения с материалами обследований 1926–1927 гг.

Но и в материалах выборочной профсоюзной переписи 1929 г. можно найти интересные характеристики социального облика уральских рабочих. Среди рабочих-металлургов Урала, владеющих землей, преобладали кадровые рабочие со стажем более 10 лет (60,4 %) и от 6 до 10 лет (16,1 %) ⁸⁴; 95,6 % имели собственный дом, 4/5 являлись потомственными рабочими. Для ухода за земельными участками 49,3 % брали отпуск, а 50,3 % вынуждены были прерывать работу на производстве, но, как правило, на непродолжительный срок: от 2 недель до месяца. В 90,2 % случаев землепользование у металлистов, 71,6 % у всех категорий рабочих, владеющих землей, ограничивалось наличием огорода, покоса, коровы ⁸⁵. Как видно, период НЭПа привел к восстановлению социокультурного типа уральских рабочих, существовавших до 1917 г., но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций.

Что же касается результатов профсоюзной переписи 1932–1933 гг., при отсутствии других сопоставимых данных мы склонны считать их достойными доверия. Наличие на Урале только 21,2 % рабочих – владельцев земельных участков, уменьшение размеров наделов свидетельствует о глубине сокращения рабочего землепользования. Однако обратим внимание на то, что в 1929–1932 гг. произошло удвоение численности рабочих промышленности края. При отсутствии роста числа земельных участков слой владельцев полев, покосов и огородов в определенной степени растворился в массе новых рабочих. За вычетом последних, нетрудно заметить, что около половины «старых» рабочих, несмотря на все формы давления властей, продолжали оставаться держателями земли. На этот факт в исторической литературе не обращалось внимания. Между тем перед нами пример формы сопротивления рабочих Урала волюнтаристской политике власти, нацеленной на «обезземеливание» рабочих.

Голод 1932–1933 гг. внес коррективы в земельную политику государства на Урале. Очевидное стало явным: попытка искусственного разрушения землепользования уральских рабочих усилила

процессы текучести и масштаб голода как социального явления; привела к ряду забастовок, крупнейшая из которых состоялась в апреле 1932 г. на Воткинском заводе⁸⁶.

В голодный 1933 год постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» начиналось словами: «идя навстречу желаниям рабочих обзавестись небольшими огородами»⁸⁷. Всего же в СССР владельцами огородов размером от 1/8 до 1/4 га на семью разрешалось стать 1,5 млн промышленных рабочих, т. е. без малого половине рабочих промышленности СССР (!). Квота огородников для Урала определялась в 250 тыс. рабочих, т. е. почти вдвое превышая удельный вес промышленных рабочих Урала в составе промышленных рабочих СССР⁸⁸. По сути, власть признавала невозможность выживания советского рабочего класса без занятий огородничеством, подчеркивая первоочередную важность обеспечения огородами рабочих тяжелой промышленности. Вместе с тем, сохраняя верность марксистским принципам, правящая партия соглашалась передать рабочим огороды только в пользование, первоначально сроком на 5–7 лет⁸⁹.

Показательный факт: в Уральской области, по неполным данным, число рабочих, желающих стать владельцами огородов (168,4 тыс.), оказалось в 2,7 раза больше числа рабочих, сохранивших (по официальным данным) к 1934 г. огороды (63 тыс.)⁹⁰. За вычетом лиц принудительного труда, право на огород предоставлялось подавляющему большинству уральских промышленных рабочих.

Обращает внимание та неподдельная энергия, с которой партийные и профсоюзные органы принялись за восстановление числа рабочих, связанных с землей: во-первых, вопрос не требовал от властей ни средств, ни усилий. Во-вторых, забота о пропитании рабочих во многом становилась делом рук самих рабочих. В-третьих, местные власти сознавали и масштаб недовольства рабочих итогами коллективизации⁹¹. Однако государство передавало землю под огороды на 5–7 лет, фактически в аренду, и уральцы 1930-х гг. хорошо понимали, от чего зависит продление срока пользования участками. Земельные участки могли быть от 1/8 до 1/4 га, т. е. в среднем в 8–16 раз меньше дореволюционных наделов⁹². Наконец,

рабочие не могли не почувствовать идеологические мотивы в документах о землепользовании: от подоходного налога освобождались только бывшие красноармейцы и красные партизаны и рабочие, имевшие только огород и одну корову, но не владеющие полевыми посевами. Эти же категории населения освобождались и от обязательных поставок мяса и молока государству⁹³. Но велика была сила традиции: в данном случае желание рабочих не только достойно питаться, но и быть хотя бы относительно независимыми от власти и неполадок в снабжении.

К 1941 г. 37,4 % рабочих Урала владели огородами⁹⁴. С учетом обновления рабочего социума региона эта величина свидетельствует о сохранении связи с землей у кадровых тружеников промышленности. Доминирующим компонентом в огородном хозяйстве являлись овощи и картофель (99 % посевов, например, в Челябинской и Пермской областях, в том числе 90 % – картофель). Судя по Пермской области, посевные площади рабочих огородов были невелики, составляя в 1940 г. 7,2 сотки⁹⁵. Заметно сократилось владение скотом и, прежде всего, лошадьми. Тем не менее сопоставление количества огородников и величины голов крупного рогатого скота, находящегося во владении рабочих и служащих городов Урала (259 тыс.)⁹⁶, позволяет с определенной долей условности сделать вывод: на один огород приходилось 0,4 единицы крупного рабочего скота (в основном коров); 0,07 свиней; 0,71 овец и коз. Личное хозяйство, даже после всех сокращений, продолжало быть основным поставщиком картофеля, молока и молочных продуктов в рабочих семьях.

Выскажем мнение, что сокращение масштабов личного хозяйства рабочие Урала пытались компенсировать интенсификацией своего труда на огороде и в подворье. Анализ бюджетов семей рабочих всех отраслей промышленности Свердловской, Челябинской областей и Башкирской АССР показывает, что в 1939 г. индивидуальные хозяйства производили 56,6 % потребляемого картофеля, 25,9 % овощей, 67,7 % молока, 14,5 % мяса⁹⁷. Таким образом, давление государства на рабочий класс в данной сфере завершилось определенным компромиссом: власть смирилась с тем, что часть рабочих не являлась «чистыми пролетариями»; рабочие – с тем, что

в их владении оставались небольшие участки земли. Свой дом с подворьем, напоминающий малую крепость; своя продовольственная база на огороде у дома и в поле; знание, что и где укрывает лес-кормилец, – все это порождало твердость, основательность, неуступчивость рабочего уральского характера. Отсутствие собственного жилья и хозяйства рождало иные, во многом противоположные качества. Автономность бытия в одном случае и незащитность перед властью – в другом. Процесс «вымывания» черт хозяина, продолжателя крестьянских традиций сохранения знаний о труде, природе, отношений в быту вопреки идеологическому давлению сверху не был завершен.

¹ Историографический обзор по этой теме см.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т.* Урал накануне великих потрясений 1917 года: (Историограф. очерк). Тюмень, 1997; *Алеврас Н. Н.* Уральский рабочий с наделом: дискуссия в середине 20 – первой половине 30-х гг. // *Историк и время*, 20–50-е гг. XX в. М., 2000. С. 40–52; *Заболотный Е. Б., Карамзин А. С.* Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // *Россия в XX веке. История и историография*. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 68–89.

² Из последних публикаций см.: *Гаврилов Д. В.* Архангличная региональная модель исторического развития Урала (так называемая концепция В. В. Адамова) // *Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования*. Екатеринбург, 2005. С. 69–79.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 3. С. 486.

⁴ Приводится по: *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период доминирующего капитализма, 1861–1900 гг. М., 1985. С. 70.

⁵ Там же.

⁶ *Степанов П.* Наделение земель на горнозаводском Урале. СПб., 1914. С. 88.

⁷ *Вопр. труда*. 1926. № 8–9. С. 188.

⁸ *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период доминирующего капитализма. С. 70.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XX и начале XX в. // *Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы науч. конф.* Свердловск, 1963. С. 94–105.

¹¹ Для примера назовем поселок Мотовилихи, где две трети мужского населения были связаны с заводскими работами (см.: *Горный журн.* 1916. № 4–5. С. 92). В Ижевском и Воткинском поселках этот показатель составлял 80 % (см.: *Дмитриев П. Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // *Проблемы истории СССР*. М., 1978. Вып. 7. С. 236).

¹² РГИА. Ф. 48, оп. 1, д. 37, л. 149; Тр. XIX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1914. С. 193.

¹³ См.: *Сигов В. П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // *Наемный труд в сельском хозяйстве Урала.* Свердловск, 1926. С. 171–187.

¹⁴ Там же. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 176.

¹⁶ *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала... С. 96–97.

¹⁷ См.: *Сигов В. П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 176.

¹⁸ См.: *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала... С. 98; *Гаврилов Д. В.* Архаичная региональная модель... С. 76.

¹⁹ *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала... С. 96, 101.

²⁰ См.: Там же. С. 101 (подстрочник).

²¹ *Горовой Ф. С.* Влияние реформ 1861 г. на формирование рабочего класса на Урале // *Из истории рабочего класса Урала:* Сб. ст. Пермь, 1961. С. 161–162.

²² *Трефилова Л. А.* Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861–1917 гг. // *Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX в.* Свердловск, 1985. С. 77.

²³ См.: *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 185.

²⁴ *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. С. 144.

²⁵ *Садаков М. А.* Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // *Учен. зап. Удмурт. НИИ истории экономики, литературы и языка.* Вып. 20, История. Ижевск, 1968. С. 29.

²⁶ Подсчитано по: Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 7.

²⁷ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289, 290, 291, 298, 303.

²⁸ *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала... С. 100.

²⁹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289, 290, 291, 298, 303, 405.

³⁰ Подсчитано по: Там же.

³¹ *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. С. 71.

³² *Сигов В. П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 175.

³³ См.: *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 119–120.

³⁴ См. подробнее: *Трефилова Л. А.* Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей... С. 78.

³⁵ Быстрых Ф. П. Большевистские организации в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1959. С. 26.

³⁶ Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 175–176; ГАПО. Ф. 38, оп. 3, д. 1004, л. 174–176.

³⁷ Захарова Е. Г., Фельдман В. В. Изменение численности и состава рабочего класса Урала в 1921–1928 гг. // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 36.

³⁸ Подсчитано по: Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 175; ГАСО. Ф. р-95, оп. 1, д. 1115, л. 3.

³⁹ Шеврин И. Л. Крестьянство Урала в 20-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 63, 159.

⁴⁰ Погужев А. В. Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 95.

⁴¹ Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства... С. 194–197, 201.

⁴² См., напр., высказывание Ф. П. Быстрых: «...и к 1917 г. пользование земельными наделами рабочих нельзя принимать за собственность» (Быстрых Ф. П. О землепользовании горнозаводского населения Урала... С. 97–98).

⁴³ См.: Бюджеты рабочих и служащих. М., 1927. Вып. 1. С. 24; Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 7. С. 30.

⁴⁴ Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 184.

⁴⁵ Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства...

⁴⁶ См.: Там же. С. 210.

⁴⁷ Таким образом, 85 % от 50 тыс. рабочих казенных округов (т. е. 42,5 тыс.) и 30–40 % от 51,8 тыс. рабочих посессионных округов (т. е. 15,5–20,7 тыс.) или 58–63,2 тыс. человек (см.: Трефилова Л. А. Экономическое положение и борьба посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Исследования по истории Урала. Пермь, 1970. Вып. 1. С. 162).

⁴⁸ См.: Поршнев О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России... С. 74.

⁴⁹ Трефилова Л. А. Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей... С. 79 (данные обследования 1906 г.).

⁵⁰ Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 10.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Дмитриев П. Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. Вып. 4. С. 150.

⁵³ Подсчитано по: Материалы по статистике труда // Тр. Урал. обл. бюро статистики. Сер. 3. Свердловск, 1923. Т. 2. С. 110–111 (данные 1923 г.).

⁵⁴ Нарский И. В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 33.

⁵⁵ См.: Коробков Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003. С. 24, 29.

⁵⁶ См.: *Фельдман М. А.* Рабочие Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 55–58.

⁵⁷ См.: *Соколов А. К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // *Отечеств. история.* 2003. № 5. С. 135.

⁵⁸ *Линден М.* Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // *Конец рабочей истории.* Амстердам; Москва, 1996. С. 244, 247.

⁵⁹ *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 136.

⁶⁰ Материалы по сельскохозяйственной статистике труда // *Тр. Урал. обл. бюро статистики.* Сер. 3. Свердловск, 1928. Т. 4. С. 39.

⁶¹ *Фельдман В. В.* Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 109.

⁶² Подсобное хозяйство давало 30 % потребляемых продуктов тульскими горняками, 10 % – бюджета ивановско-вознесенских текстильщиков и т. д. (см.: *Черных А. И.* Становление России Советской. М., 1998. С. 108).

⁶³ Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924. С. 108; Труд в СССР: Стат.-экон. обзор. Октябрь 1922 – март 1924 г. М., 1924. С. 187.

⁶⁴ ГАСО. Ф. р-95, оп. 1, д. 1115, л. 2 об.

⁶⁵ Труд в СССР. Октябрь 1922 – март 1924 г. С. 186.

⁶⁶ Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 7.

⁶⁷ Материалы к земельному переустройству Пермской губернии на началах основного закона о социализации земли / Перм. окружной совет. Пермь, 1918. С. 112.

⁶⁸ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1: Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. М., 1929. С. 23.

⁶⁹ Там же. С. 24; *Львов В.* Бюджеты населения горнозаводского Урала. С. 30.

⁷⁰ *Сигов В. П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства... С. 184.

⁷¹ Там же. С. 184–185.

⁷² Подсчитано по: Там же. С. 184, 187.

⁷³ Подсчитано по: Там же.

⁷⁴ *Львов В.* Бюджеты населения горнозаводского Урала. С. 41, 50.

⁷⁵ Материалы о культурном строительстве на Урале. Свердловск, 1928. С. 11.

⁷⁶ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. С. 24.

⁷⁷ Там же. С. 25.

⁷⁸ ГАСО. Ф. 241, оп. 2, д. 1652, л. 123 об.

⁷⁹ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. С. 12–122.

⁸⁰ Хозяйство Урала. 1926. № 15–16. С. 161–162; Бюл. Пермского окружного облисполкома. 1926. № 45. С. 5; ГАСО. Ф. 241, оп. 2, д. 1652, л. 39.

⁸¹ См.: *Чернокрылова Е. Н.* К вопросу о причинах землепользования уральских рабочих в период первой пятилетки // *Современные концепции проблем истории советского Урала.* Свердловск, 1991. С. 48–49.

⁸² Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1930. Вып. 3. С. 30–31.

⁸³ ГАНИОПДПО. Ф. 620, оп. 10, д. 19, л. 25.

- ⁸⁴ См.: *Рашин А. Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 39.
- ⁸⁵ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. С. 40–43.
- ⁸⁶ См.: *Осокина Е. А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг. М., 1997. С. 126.
- ⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 114, д. 379, л. 52.
- ⁸⁸ Там же. Л. 52, 53.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 272, оп. 3, д. 1205, л. 2. В постановлении СНК речь шла о 250 тыс. рабочих-огородников на Урале (СУ СССР. 1934. № 1. Ст. 8).
- ⁹¹ ЦДООСО. Ф. 4, оп. 7, д. 97, л. 39–40.
- ⁹² СУ СССР. 1934. № 1. Ст. 8.
- ⁹³ Там же. № 22. Ст. 174; № 27. Ст. 211 б.
- ⁹⁴ *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства Урала. Екатеринбург, 1991. С. 87.
- ⁹⁵ Там же; ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 303, л. 22–23.
- ⁹⁶ *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства Урала. С. 75.
- ⁹⁷ Там же. С. 73.